

Понедѣльникъ, 12 юля 1934 г.

№ 183.

ГОДЪ XIV.

№ 183.

Понедѣльникъ, 12 юля 1934 г.

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

Ежедневная газета политическая, экономическая и литературная.

когда поѣздъ отходилъ, онъ, несио-
тря на мою просьбу оставаться спо-
койно на мѣстѣ, высуну ся изъ окна
и долго кива ть головой, когда поѣздъ
двинулся. По прѣѣздѣ сюда, въ Баден-
вейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ
себя бодрѣе, говорилъ о своихъ пла-
нахъ, мечталъ о путешествіи по Ита-
ліи и хотѣлъ вернуться въ Ялту че-
резъ Константинополь. Аппетитъ и
сонъ были лучше; но уже на второй
недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали
проявляться безпокойство и торопли-
вость,—комната ему не нравилась,
хотѣлось другого мѣста. Они пере-
ѣхали въ частный домъ «Villa Frede-
rike», и тамъ повторилось то же са-
мое: пора спокойныхъ дней, затѣмъ
снова желаніе куда-нибудь подальше.
О. Л. нашла прекрасную комнату съ
балкономъ въ „Hôtel Sommer“, и здѣсь
онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблю-
дать сцены на улицѣ. Особенно его
занимало непрекращающееся движеніе
у дома почты. «Видишь,—говорилъ
онъ женѣ,—что значитъ культурная
страна: всѣ выходятъ и входятъ, ка-
ждый пишетъ и получаетъ письма».
Вѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ
О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая че-
резъ деревню, любовался крестьянски-
ми чистыми домами и вздыхалъ: «Ко-
гда же у насъ такъ мужики будутъ
жить!» Такъ дни проводилъ до нача-
ла этой недѣли... А. П. производилъ
впечатлѣніе серьезно больного, но ни-
кто не думалъ, что конецъ такъ бли-
зокъ. Д-ръ Швереръ (Schwörer), пре-
восходно относившійся къ пациенту, на
мой вопросъ, была ли кончина и для
него неожиданной, отвѣтилъ утверди-
тельно: до наступленія кризиса въ
ночь съ четверга на пятницу онъ ду-
малъ, что жизнь можетъ еще прод-
литься нѣсколько мѣсяцевъ, и даже
послѣ ужаснаго припадка во вторникъ
состояніе сердца еще не внушало боль-
шихъ опасеній, потому что послѣ впы-
скиванія морфія и вдыханій кислорода
пульсъ сталъ хорошъ, и больной спо-
койно заснулъ. Только въ ночь съ
четверга на пятницу, когда послѣ пер-
ваго камфарнаго шприца пульсъ не
поправился, стало очевидно, что ка-
тастрофа приближается. Проснувшись
въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павло-
вичъ сталъ бредить, говорилъ о ка-
комъ то матросѣ, спрашивалъ объ
японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ се-
бя и съ грустной улыбкой сказалъ
женѣ, которая клала ему на грудь
мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сер-
дце льда не кладутъ“.

Зналъ ли онъ раньше, что уми-
раетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь
вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его вы-
раженіяхъ, краткихъ и какъ буд-
то брошенныхъ случайно (ему во-
обще въ послѣднее время запре-
щали долго говорить), возника-
етъ предположеніе, что мысль, о бли-
зости смерти у него явилась раньше,
чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько
дней предъ кончиной, когда онъ по-
слалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для по-
лученія денегъ у Мендельсона, А. П.
распорядился, чтобы деньги были ад-
ресованы на имя его супруги, и ког-
да О. Л. спросила его, почему это,
онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на вся-
кій случай»... Послѣднія его слова
были: «Умираю», и потомъ еще ти-
ше, по-нѣмецки, къ доктору «Ich ster-
be»... Пульсъ становился все тише...
Умирающій сидѣлъ въ постели, со-
гнувшись и подпертый подушками,
потомъ вдругъ склонился на бокъ,

Послѣднія минуты Чехова.

Приводимъ выдержку изъ письма
Г. Б. Юллоса къ редактору «Русскихъ
Вѣдомостей» о послѣднихъ дняхъ жиз-
ни писателя.

«... Въ Люцернѣ, гдѣ я думалъ от-
дохнуть нѣсколько дней съ братомъ,
меня вчера утромъ настигла телеграм-
ма Ольги Леонардовны съ извѣстіемъ
о кончинѣ А. П. Я съ ближайшимъ
поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ
и очень кстати прѣхалъ: хотя власти
и нѣкоторыя проживающіе здѣсь рус-
скіе усердно помогали ей, но все та-
ки было ужасно тяжело, и нужны со-
вѣтъ и помощь. Пробуду здѣсь до
завтрашняго утра, провожу тѣло до
Фрейбурга, гдѣ вагонъ прицепятъ къ
скорому поѣзду на Берлинъ... Изъ
моихъ телеграммъ вы знаете, какъ
произошла кончина. Я лично въ Бер-
линѣ уже получилъ впечатлѣніе, что
дни А. П. сочтены,—такъ онъ мнѣ
показался тяжело больнымъ: страшно
исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія
кашель и одышка, температура всег-
да повышенная. Въ Берлинѣ ему труд-
но было подняться на маленькую лѣст-
ницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколь-
ко минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный
и тяжело дыша. Помню, однако, что,

и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука, — маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями. Въ видѣ особой любезности хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе коридоры, вынесли въ часовню. Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая...»

Баденвейлеръ, 3-го іюня.